

Будь моей няней

Автор:

Маруся Хмельная

Будь моей няней

Маруся Хмельная

Желая поддержать морально подругу при трудоустройстве, пошла с ней за компанию к графу – и оказалась в гувернантках трех его дочерей, прозванных в нашем городке монстриками. Все, кто был приставлен к ним до меня, бежали от своих воспитанниц в ужасе, называя их злыми, упрямыми, своенравными, капризными и прочими нелестными эпитетами. Мне-то за что такое счастье? А еще ведь есть их вдовец-отец с возмутительно синими глазами. И характером дочери явно пошли в него.

Так кто же первым выбросит белый флаг в нашей схватке? Или любовь вновь сотворит чудеса?

Маруся Хмельная

Будь моей няней

Глава 1

Сплетни нашего городка

– Пожалуйста, пойдем со мной, – уже второй час упрашивала меня Розамунда так, что я уже готова была согласиться, только чтобы не слушать ее нытье. – Я

боюсь одна!

– Чем помогу тебе я? Оттранспортирую тело, когда ты упадешь в обморок от страха? – с сарказмом спросила я.

– Поддержишь морально! – горячо воскликнула Розамунда.

Так что, будь я более наивна, посчитала бы себя жестокосердной свиньей, не желающей помочь бедняжке.

– Каким образом, Розамунда? На собеседование мы тоже вместе пойдем? Или говорить с графом вместо тебя буду я?

Граф Мармелайд слыл эксцентричным типом. Высокий настолько, что на голову превосходил королевских гвардейцев, отобранных по высшему разряду, с широкими плечами и длинными конечностями, внешне он казался нескладным и напоминал куклу на шарнирах. Какой-то увалень-медведь, причем по отзывам тех, с кем он встречался, то добрый мишка из сказок, то медведь-шатун, которого потревожили во время зимней спячки.

О его несносном характере в маленьком городке с гордым названием Магистратум, на южной границе, слагались легенды. Городок жил за счет магической академии, построенной здесь на выселках, чтобы не тревожить добропорядочных граждан королевства, и все сплетни и новости тут появлялись тоже либо из стен этой самой академии, либо от соседей. И появление такой одиозной личности, как граф Антуан Мармелайд, не могло остаться незамеченным местными сплетницами и дало свежую пищу для пересудов, вскоре превратившихся в постоянно бурлящий поток.

Источник богатства графа местных кумушек волновал мало, главное, что оно у него было. Баснословное. Так как жил он со своей женой в столице на широкую ногу, и никто, ну разве что кроме короля, не мог себе позволить таких изысканных приемов, шикарных балов, щедрых ужинов, о которых потом шумела вся столица, пересказывая на все лады их подробности.

У кого были самые элегантные наряды и дорогие украшения, обрамлявшие красоту владелицы, как драгоценная рама картину кисти лучшего художника? У графини Мармелайд. У кого были самые изысканные экипажи и самое большое

количество слуг? У графини Мармелайд. Чьи прихоти и желания выполнялись, стоило только шевельнуть мизинчиком? Графини Мармелайд. Кто считался первой красавицей высшего света? Кто задавал моду и на кого хотели равняться все знатные дамы, проедавая мужьям плешь в желании догнать и перегнать свой идеал? Чьей милости и чьего внимания искали, на чей прием старались попасть, приложив к этому все мыслимые и немыслимые усилия? Ее, графини Мармелайд.

Графини, которая погибла во цвете лет и красоты. Каким образом и что же все-таки случилось, местные кумушки точно не знали. А потому выдавали свои версии, одну нелепее другой. Будто бы она на охоте упала с лошади и свернула шею. Или будто бы муж пристрелил ее в приступе ревности. Все это, конечно, говорилось приглушенным шепотом с оглядкой через плечо – не дай, пресветлая богиня, кто-нибудь услышит. Сам ревнивец-убивец граф, к примеру.

Но факт оставался фактом: граф овдовел, взял в охапку детей – трех дочерей – и приехал сюда. Девочки учились: старшая – в академии магии, средняя и младшая – в школе. Граф разрывался между дочерьми, работой и обязанностями лендлорда в своих поместьях, раскиданных по разным концам королевства. Сам он вроде слыл не то изобретателем, не то алхимиком, не то техномагом – кумушки точно не знали, а спросить было некого. А до этого момента и вовсе было неинтересно.

Сейчас же, за пару часов разговоров с Розамундой, на меня вылился ушат всевозможных сведений о графе, отчасти, возможно, правдивых, отчасти выдуманных чьей-то богатой фантазией.

У графа существовали проблемы с гувернанткой для дочерей. Вернее, это у несостоявшихся гувернанток существовали проблемы с девочками. В общем, ни одна надолго не задержалась в их доме и с содроганием вспоминала сей короткий отрезок своей жизни, возведенный в подвиг.

– Они ужасные! – восклицала каждая. – Избалованные, капризные, невоспитанные и просто невыносимые!

– Младшая подсунула лягушку в масленку! Специально для меня! Я открываю, чтобы добавить маслица в овсянку, а там... – Несостоявшаяся гувернантка закрывала в ужасе лицо руками, вспоминая какой-нибудь возмутительный случай.

– Средняя испортила мою униформу! Сказала, что ей понадобилась ткань для куклы именно такого оттенка! Она вырезала кусок прямо у меня на... – стыдливо прикрыла лицо руками еще одна жертва произвола несносных детей, перед этим неопределенно указав куда-то в район пятой точки. – Надо мной все так смеялись! Я не могла вынести такого позора!

– Старшая просто наглая тварь! Обвинила меня перед графом в том, что я их обкрадываю! Таскаю с кухни продукты! Ей что, стало жалко ма-аленькой корзиночки клубники, всего-то одной головки сыра, пары десятков яиц и кулька колбасок? Не последнее же отобрала у сироток, честное слово! – возмущалась полная круглая женщина, махая дебелими руками перед носом собеседниц и призывая разделить с ней возмущение.

– Ах, я хотела соблазнить графа, но он от меня бегал, а его дерзкими девчонками я заниматься не собираюсь. Пусть сам их воспитывает, на то он и отец, – томно закатив глаза при имени графа и фыркнув при последних словах, открыто поведала свои намерения молодая молочница, решившая попытать счастья стать графиней.

В общем, граф отчаянно искал гувернанток, его дочери отчаянно от них избавлялись, а гувернантки в отчаянии сбегали от этой «сумасшедшей семейки».

– Розамунда, у тебя вроде не настолько все плохо, чтобы идти туда, откуда заведомо придется вылететь через... сколько тебе позволят дочери графа... сутки? Двое? Или пару часов? Зачем тебе это? – удивилась я, выслушав приятельницу.

Глава 2

Наша пастораль

С Розамундой мы познакомились на местной мелкой фабрике по переработке ятарина – окаменелой смолы древнего дерева хвойносына. Ятарин шел, в частности, на изготовление амулетов для магов, так как какое-то время хранил

накопленную магию, то есть по сути являлся не очень вместительным магическим зарядником. И еще из него производили различные детали для оптических приборов, они были качественнее стеклянных, но процесс их обесцвечивания был очень трудоемким и энергозатратным.

Я работала там технологом, а Розамунда шлифовала камни и делала дырки для шнурков в амулетах. Работа была пыльная и рутинная, но платили по местным меркам хорошо. На эти деньги каждая из нас снимала маленькую квартирку у тетушки Амарэтты, владеющей небольшим очаровательным особняком, который она переделала в доходный дом. Он находился в западном квартале города, не так далеко от центра, но в тихом укромном местечке, где улицы утопали в красивоцветущих кустах, начиная от сирени и заканчивая пурпурением. Они были посажены так, чтобы цветение одного переходило в другое и не заканчивалось до поздней осени. Сейчас в воздухе у особняка тетушки Амарэтты разливался аромат жасмина и иринеи, создавая чудесный запах, который можно было сразу запихнуть в склянку и опрыскивать себя им как духами до следующего лета.

Когда я приехала в Магистратум и устроилась на фабрику, Розамунда и посоветовала мне тетушку Амарэтту. И я нисколько не пожалела, что согласилась.

Эта удивительная особа сразу покорила мое сердце. Невысокая, ниже среднего роста, вся уютно округлая и улыбчивая, она не была толстушкой, скорее женщиной неопределенного возраста и веса. Своих жильцов она называла не иначе как «мои курочки». Тетушка сдавала квартиры только одиноким женщинам и девушкам, объясняя это тем, что пускать мужчин в ее королевство цветов и дам никак нельзя.

– Мужик в доме – как петух на клумбе, – уверяла она. – Скотина нужная, но хлопотная. Там поклует, тут пороет, бутоны лапами перемнет. И уход ему особый нужен, и присмотр, так что если завела – добро пожаловать на отдельный насест, а то не удержится, всех подряд перетопчет.

Если квартирантка выходила замуж, она переезжала в другую квартиру – это было обязательное правило тетушки Амарэтты. Второе, не менее важное – тишина после захода дневного светила.

Хозяйка не возражала против гостей и веселых сборищ, в праздники можно было веселиться хоть до утра, но в будние дни мы, как правильные курицы, соблюдали режим тишины.

Все остальные вопросы решались быстро и без труда: если в квартире недостаточно тепло, слишком влажно или съемщице мешает пузатый старинный комод, тетушка Амарэтта сразу решала проблему. Квартира обогревалась, сушилась, комод переезжал в другое место, потому что «бедная курочка отбила об него все бока!».

Трогательная забота о нашем комфорте не мешала тетушке столь же решительно, как с комодом, расставаться с неугодными жильцами. Когда одна из новых девушек несколько раз нарушила закон о тишине, громко переговариваясь через окно со ждущими у калитки ухажерами, которых поощряла, тетушка, рыдая и заламывая руки, отказала ей от дома.

– Да где же ты, бедная курочка, найдешь такую благодать? Где же так тепленько-то будет, уютненько, душевненько, как у маменьки родной за пазухой? – причитала она. – Нет, дорогая, до весны никак нельзя. Неделя тебе на выезд.

Кроме аренды уютной квартирки – в персиковых тонах у меня и в кремово-розоватых у Розамунды, – зарплаты нам хватало, чтобы посидеть вечером за чашечкой вкусного кофе у дядюшки Бонборино. Дополнив чашечку ароматного напитка десертом от его компаньонки тетушки Нуттеллы, хозяйки кондитерской.

Кофе здесь подавали в тонких, цвета ночного летнего неба чашках с тонкими изогнутыми ручками. С пенкой и без, сладкий, несладкий, со специями, со сливками и молоком, горячий, как песок в пустыне, и холодный, как горное озеро.

Десерты занимали высокую и длинную, во всю стену, витрину. Тут были широкие круглые креманки с суфле, украшенным свежими ягодами и фруктами; маленькие ажурные корзиночки, начиненные ароматным кремом всех цветов радуги. Пирожные – конусообразные, круглые, ромбовидные, треугольные, колечками и пышными глазурированными развалами, каждое на отдельной невесомой тарелочке. Посыпанные тертыми орехами, сыром и кондитерской

крошкой хрустящие румяные полоски. Пирожки, ватрушки, завитки, трубочки, розочки.

В кофейню после работы заглядывали такие же работницы города, как мы, и кумушки в ожидании свежих слухов. Все обменивались новостями и обсуждали последние сплетни. Бонборино услужливо ставил перед каждой посетительницей очередную чашечку кофе, и одна шла обязательно за счет заведения. Вторая или третья – зависело от настроения дядюшки Бонборино в этот день. А настроение его зависело от тетушки Мадженты. Если она всегда с приветливой улыбкой и ласковым словом заглядывала в этот вечер в кофейню, мы все вздыхали облегченно – сегодня дядюшка Бонборино будет доволен. Если же тетушка Маджента не появлялась, тучи сгущались над головой хозяина, жесткие черные длинные усы его печально никли, а густые брови понуро опускались вниз, помогая нависающим векам скрыть всю мировую скорбь в глазах.

Мы с Розамундой по большей части сидели молча, наблюдая за веселым щебетом наполнявших кафетерий девушек и дам, блаженно щурясь и подставляя лицо заходящему за горизонт дневному светилу. Перемолвиться о своих нехитрых делах нам хватало времени с утра по дороге на работу, на самой работе и по дороге с работы. В самой кафетерии нападала томная нега, когда не хочется говорить, а лишь расслабленно попивать кофе и наблюдать за другими людьми.

Между собой у нас была только одна забава: сравнивать посетителей кофейни с какой-нибудь птицей. Поскольку птиц мы, как оказалось, знали совсем немного, и стали повторяться, нам даже пришлось взять в библиотеке энциклопедию по орнитологии, которую мы теперь изучали каждый вечер и, рассматривая новую узнанную нами птицу, вспоминали знакомых, кто бы на нее походил.

– Ой, смотри, голубая сойка! Это же леди Агриппина сегодня! Она была вся синяя, включая лицо! – хохотала Розамунда, тыча пальцем в сине-голубую птицу на странице.

И хотя меня покорило замечание о синеве лица леди Агриппины, которая только-только оправилась от хвори и выглядела немного нездорово, я тоже невольно улыбнулась. Леди Агриппине не стоило надевать после болезни синее платье, оно только подчеркнуло ее бледность и добавило голубоватый оттенок коже лица. Так, что при виде ее леди Продэкта воскликнула:

– Леди Агриппина, вы слишком увлекаетесь лосьоном из голубянки! Переходите лучше на розовую воду!

Леди Агриппину перекосило, и она поспешила из кофейни на выход. Продэкта растерянно посмотрела ей вслед и обратилась к соседке за столиком:

– Ну вот, а я хотела посоветовать, где лучше купить.

– Продэкта, а от огуречного лосьона, по-твоему, лицо позеленеет? – спросила та.

– Знаешь, на твоём месте я бы не стала рисковать, – задумчиво глядя на соседку, ответила Продэкта.

И весь зал кофейни содрогнулся от хохота.

Вот из таких маленьких зарисовок тихого и уютного быта провинциального городка и состояла наша жизнь.

Большую часть зарплаты я откладывала. Я приехала сюда встретиться с одним человеком, профессором магии из академии. Но пока я его искала, он уже уехал в далекое путешествие. Месяц назад вернулся, но мне никак не удавалось с ним встретиться. То он на занятиях, то на симпозиуме, то еще где-нибудь.

Я оставляла для него записки, в которых просила о встрече, объясняя, как со мной можно связаться. Но он их игнорировал. Я бы могла сидеть перед дверьми его жилища, но мне было туда не попасть, магохрана не пускала. Но надежды я не теряла. Мне он был нужен, сдаваться я не собиралась. Откладывала пока деньги, понимая, что запрашиваемая услуга будет стоить дорого.

Сейчас мои мысли заняла Розамунда, которая в задумчивости раздражающе постукивала ложечкой по стенкам чашки. Я поморщилась и отодвинула от нее кофейную посуду, чтобы прекратить назойливый звук. И Розамунда, очнувшись, выпалила:

– Я уже ненавижу эту работу!

Любопытство сгубило кошку

Как оказалось, приятельницу с каждым днем все больше раздражали побочные явления от работы с ятарином: постоянная пыль, забивавшаяся в слизистые и покрывавшая руки до локтей плотным слоем, рутинность процесса – девушкой Розамунда была живой и подвижной. Но это все ничего, если бы...

– Эта вонь! Сначала я не обращала на нее внимания! Потом стала замечать. А теперь меня от нее воротит!

Когда ятарин в процессе переработки плавил, то, кроме самой расплавленной массы, получались ятариновая кислота и масло, при этом выделялся газ с едким запахом протухших яиц. Но и само масло издавало такой дымно-дегтярный, смолистый душок, похожий на запах дубленой кожи. Если нюхать его иногда, малыми дозами, то ничего особенного, первый раз может даже понравиться. Но изо дня в день находиться в такой вонище по несколько часов – на любителя.

Тут я Розамунду понимала, даже сочувствовала ей. Особенно из-за вонючих газов. Я-то перемещалась с места на место по всей фабрике и могла избежать этого хоть иногда, у нее такой возможности не было.

Розамунда еще какое-то время распиналась, как ее мутит от этих запахов, так, что стало подташнивать уже меня.

– Ладно, хватит, я поняла! Но почему именно гувернанткой? У тебя есть опыт?

– Конечно! У меня же две младшие сестры! – воскликнула подруга.

Да, это я знала, как и то, что Розамунда единственная, кто хорошо зарабатывал из их семьи. Ее отец получил травму и перебивался случайными заработками, на матери лежало все хозяйство и четыре дочери, две из которых были еще малы, чтобы работать, вот мать и подрабатывала дома частными заказами как прачка и швея, но это были те же небольшие и непостоянные деньги. Старшая из сестер была замужем, и муж держал ее в черном теле, все деньги от небольшого заработка были у него, а она постоянно беременела и сидела с детьми дома – их

у них было уже пятеро. И помочь родным она была не в силах, ей бы кто помог. Семья и помогала – за счет Розамунды, естественно, отдавая часть присылаемых ею денег еще и старшей дочери.

Поэтому вопрос оплаты для Розамунды стоял остро. Она даже предлагала мне сэкономить и снять квартиру на двоих. Но я отказалась, пара десятков сэкономленных тингов[1 - Тин – денежная единица. – Здесь и далее примеч. авт.] не стоила личного комфорта.

– Граф с каждой уволенной гувернанткой увеличивает размер оплаты, словно надеясь, что из-за этого они будут держаться за место бульдожьей хваткой. Начинал он с трехсот тингов, сейчас оклад уже повышен до тысячи в месяц!

Ого, я чуть неприлично не присвистнула! Розамунда получала сто пятьдесят тингов, и это были хорошие деньги; я как технолог – двести пятьдесят тингов. Неужели за тысячу тингов не нашлось профессионала, который мог бы справиться с тремя девочками? Это же всего лишь дети!

– Но ведь гувернантка – это не просто няня, – возразила я. – Это учительница, наставница, воспитательница. Она обучает наукам и языкам, светским манерам и танцам, рукоделию и рисованию. Да легче сказать, чего она не должна знать – нет такого! Я видела в столице требования для гувернанток – это какое-то идеальное существо, кладезь всех достоинств без пороков.

– Имма, – снисходительно посмотрела на меня Розамунда, – такие гувернантки сами выбирают себе хозяев. Им нет нужды тратить свои силы и время на невоспитанных девиц, не желающих оценить и отдать должное кладу, который им достанется. Они знают себе цену. Если граф и надеялся вначале найти хоть кого-то, отдаленно напоминающего тот идеал, что ты описала, то все его надежды за последний год пошли прахом. Девочкам нужна именно нянька. Которая потом уже наймет и учителей, и всех, кого надо. Тем более что девочки учатся в магических заведениях. Сейчас ему прежде всего нужен человек, с которым он мог бы оставить детей. А то, что в описании это стыдливо прикрито красивым названием – так и девочкам уже не столько лет, чтобы няньку искать...

– А сколько им? – запямятовала я, хотя вроде не раз слышала.

– Старшей почти восемнадцать, она поступила в академию только в этом году. Средней одиннадцать, младшей семь. Как видишь, не маленькие.

– Да, – покачала я головой. – Но почему ты думаешь, что справишься там, где не справились другие?

– Есть у меня пара своих секретов, – подмигнула Розамунда. – Я в этом слишком заинтересована – это главный стимул найти с девочками общий язык. Высокая оплата, жизнь в графском доме со всеми привилегиями, хорошие знакомства и почет в обществе... Представляешь, какая у меня будет репутация после удачной работы там? Да меня с руками и ногами оторвут. Карьера дорогой гувернантки обеспечена и без длинного рекомендательного списка. Одно упоминание о работе у графа Мармелайда откроет для меня все двери! А может, даже жениха себе среди его гостей найду. Чем богиня не шутит, – вовсю размышляла Розамунда, как будто уже устроилась.

Я пожала плечами. Согласна, перспективы вырисовываются радужные. Одна проблема – претворить план в жизнь.

И вот теперь подруге понадобилась моральная поддержка.

– Но как ты себе представляешь наш визит туда вдвоем? Как ты это объяснишь?

– Да никак, меня же не сам граф у дверей встретит. А экономка, тетушка Ливия. С ней я уже подружилась. Она проводит к графу, а ты подождешь там, где она тебе укажет. Мы все равно с черного входа войдем, нас никто и не увидит, – пожала плечами Розамунда.

И я зачем-то пошла у нее на поводу. Повлияли ли ее долгие уговоры и нытье или любопытство – не знаю. Или все вместе. Все-таки наша жизнь здесь была довольно скучна и однообразна. Но в выходной делать было все равно нечего, и я пошла за компанию с подругой.

Розамунде хватило ума пока не увольняться с работы, а сначала сходить попытать счастья в выходной день. А потом уже и уволиться при положительном раскладе.

– Красивый дом! – озираясь, оценила я место, куда мы пришли.

Глава 4

Неожиданные впечатления

Внушительный, но без излишней помпезности желтый особняк производил впечатление светлого уютного дома, поскольку весь фасад его занимали огромные окна, сейчас открытые настежь любопытному светилу и легкому ветерку. Стены дома были спрятаны под благоухающими цветущими плетистыми розами. С одной стороны дома находилась закрытая стеклянная веранда, а с другой – открытая терраса, и та и другая утопали в зелени. Казалось, в таком доме нет места злым духам, только свет, мир и покой могут царить в этих стенах.

Вокруг благоухал ухоженный сад, среди деревьев которого хорошо бы поваляться на лежаке, лениво наблюдая полет и жужжание шмеля. Лучи светила ласкают лицо, шелест веток деревьев от ветра убаюкивает, веки прикрываются...

И тут раздался громкий визг, резко выдернувший меня из дремы, в которую я погрузилась. Было ощущение, словно уши насквозь проткнули спицей. А потом вопль во все горло:

– Отдай! Мое! Мое, отдай!

Мы с Розамундой одновременно вздрогнули и переглянулись. Я послала ей сочувственный взгляд. Она вздохнула и решительно направилась вперед.

– Громкие голоса – залог того, что ты не потеряешь их владельцев и будешь знать, чем они занимаются в любой части дома, – приободрила я подругу.

– Это определенно положительная сторона, – согласилась она, и мы хихикнули.

При нашем приближении крики не смолкали. К ним еще добавилась такая отборная брань, которую приличные девушки не произносят вслух. Только про себя.

– Ого! Одна из их гувернанток была явно портовым грузчиком.

– Точно! Он решил переодеться женщиной и подзаработать, – подхватила Розамунда.

– И продержался дольше всех, потому что понравился девочкам – ему не было до них никакого дела... – продолжила я. – Он все дни напролет курил хозяйские сигары и дегустировал виски из бара в кабинете.

– За этим занятием его и застал граф, протер очки и увидел наконец, что под видом женщины к нему пробрался мужчина!

– Граф носит очки? – спросила я.

– Нет, поэтому он и допустил такую оплошность, – рассмеялась Розамунда, а вслед за ней и я.

В хорошем настроении мы обогнули дом и подошли к черному входу. Когда мы только собрались потревожить спящую над входом магическую кукушку, призванную сообщать хозяевам, что у двери дожидаются визитеры, дверь открылась, и вышла странно одетая хмурая девушка.

Наряд ее выглядел так, словно она не глядя засунула руку в шкаф театрального реквизита, вынула что попало и так же не глядя надела. На дешевую юбку, которую надевали торговки овощами и мясом, чтобы не жалко было пачкать, был нацеплен белый накрахмаленный фартук горничной. Сверху в юбку была вправлена простая по крою, но из баснословно дорогого шелка белая блуза. А на блузу была надета грубая жилетка из сукна, которую носят конторские работницы. Всю эту несурязицу венчал чепец с широкими краями и большими крыльями, какие носили молочницы.

Чернявая девушка с нечесаными распущенными волосами под чепцом хмуро смерила нас взглядом.

– Простите, вы бы не могли позвать экономку Ливию? Скажите, что пришла Розамунда.

– Вы меня не видели, – грубо сказала девушка и ушла, чуть ли не задев гостью плечом.

– Ну и прислуга в этом доме! – неодобрительно сказала Розамунда. – Она первая, кто вылетит отсюда, когда я приступлю к обязанностям. Распоясались!

Подруга осуждающе посмотрела вслед девушке, размашистым шагом удаляющейся по дорожке. А я присмотрелась к ней самой. Но промолчала.

Розамунда потеряла кукушку.

– Передай Ливии, что пришла Розамунда, – повелительным голосом приказала она.

Птичка вспорхнула и улетела искать экономку.

Прошло не больше трех минут, как дверь открылась и на пороге показалась тетушка Ливия, а я в который раз поразила впечатлению, которое она производила. Я неоднократно встречала экономку в городе, но всякий раз, когда ее упоминали в разговоре, не могла вспомнить, как она выглядит. Только общий вид и одежду – она всегда была в одном и том же строгом сером платье с белым воротником и манжетами, единственным украшением которого служили красивые ятариновые пуговицы, притягивающие взгляд. Может, именно из-за пуговиц, являвшихся единственным ярким пятном в ее облике, я не могла запомнить ее бледное невыразительное лицо с водянистыми голубыми глазами оттенка неба последнего месяца лета.

Ливия не вызывала неприязни, но и симпатии тоже. Она была вежлива, но холодна, а при улыбке губы растягивались, но глаза не улыбались. Она создавала впечатление живой говорящей куклы – без души и содержания. Ее хозяева привезли с собой, она служила еще при жене графа, и вроде бы даже у них были хорошие теплые отношения. Неудивительно тогда, что девочки не захотели с ней расставаться, и граф взял ее с собой.

В городе она появлялась редко, только по делу. Например, ради смены поставщика или поиска курьера. Наши кумушки пытались завести с ней дружбу, чтобы вывести побольше информации о графе, но Ливия вежливо улыбалась, отмалчивалась и спешила дальше по делам или домой, в зависимости от обстоятельств.

Розамунда все-таки очень самоуверенная, если решила, что она подружилась с Ливией. Трудно представить ее чьей-то подругой. Ну, может, если только теплые чувства она испытывала к идеальной, как гласит молва, графине.

– Тетушка Ливия! Я не опоздала? – приветливо разливалась соловьем Розамунда. – Граф уже ждет меня? Познакомьтесь, это моя подруга Имма, я вам говорила, что мы придем вместе.

Ливия сдержанно улыбнулась. Опять губами, а не глазами.

– Добрый день, Розамунда, конечно, помню, проходите.

Она сделала приглашающий жест рукой внутрь дома и пошла вперед, а мы за ней.

Ливия ткнула мне в одну из дверей по дороге:

– Имма, будьте добры, подождите Розамунду здесь. Как только я провожу ее к графу Мармелайду, я сразу распоряжусь насчет напитка для вас. Чай, кофе, лимонад?

– Что вы, не стоит беспокоиться, – заверила я.

– Это не беспокойство, – улыбнулась Ливия. – В такую жару, наверное, лучше лимонад? Или чай со льдом?

– Хорошо, спасибо, тогда просто воды со льдом. Я на диете, – вернула я улыбку.

– Вам совершенно незачем, – сделала мне комплимент Ливия. – Но ваше желание как гостя – закон.

– Вот и я говорю: незачем, – с воодушевлением встряла Розамунда. – Вот мне надо, но я так люблю пирожные тетушки Нуттеллы!

– Да, они превосходные, – согласилась Ливия, удаляясь с Розамундой, оставив меня одну напротив двери в указанную комнату. – Мы часто делаем у нее заказы. Какие ваши любимые десерты, Розамунда? Я могу рассказать, какие пирожные любят юные графини.

– О, конечно, это очень интересно! Прошу, расскажите.

– Камилла любит хрустящие ореховые полоски. Знаете, такие – с загнутыми вверх уголками.

– О, мои любимые!

– Памела обожает все, в чем присутствуют взбитые сливки. Особенно маленькие «Ночные облака».

– О, это на втором месте в моем рейтинге пирожных Нуттеллы, надо же!

– Эллионария любит корзиночки с кремовыми розочками. Масляные лепешки с маком ей тоже нравятся, главное, чтобы они были приготовлены не более часа назад.

– Я их обожаю! Как здорово, что наши вкусы на десерты с девочками совпадают! Мне не терпится с ними познакомиться! Как бы я хотела сначала увидеть этих крошек, а потом уже говорить с графом, – слышался вздох Розамунды. – Но что поделать, сначала надо понравиться графу.

– Уверена, вы ему понравитесь. – По ровному приветливому тону Ливии было трудно заподозрить усмешку.

Дальше голоса смолкли. Я повернулась к двери и взялась за ручку...

Птенчик

Но указанная комната была закрыта. Я подергала сильнее – закрыта. Я огляделась – может, я что-то перепутала? Но нет, расстояния между комнатами были слишком большие, чтобы перепутать, на какую дверь мне указали. И что делать? Идти либо назад, к выходу, и подождать Розамунду на улице, либо на кухню. Ливия все равно придет туда, да и там, наверное, найдется тот, кто подскажет.

Но где искать кухню? Да и непристойно бродить по чужому дому незваной гостьей. Все-таки меня воспитывали в приличном доме, и какие-то вещи въедаются в подкорку.

Я направилась в сторону выхода, чуть не заблудилась и все-таки вышла к черному входу. На улице стояла прекрасная погода, а сад возле графского особняка был красивым и ухоженным. Я с удовольствием прогуливалась по тропинкам, любуясь цветущими клумбами и пытаюсь опознать растения, которые были представлены тут во всем разнообразии.

Так я гуляла, пока не наткнулась на чернявую девчушку в грязном мятом платьице и с растрепанными волосами по плечи. Лицо ее было тоже в грязных разводах, а большие черные глаза что-то так увлеченно рассматривали, что она даже не заметила меня. Я остановилась и принялась наблюдать за ней.

Тут она подобралась и стала куда-то осторожно пробираться, согнувшись в три погибели.

– На твоём месте я бы не стала этого делать, – предупредила я.

Она оглянулась и насупилась:

– Ты кто?

– Имма.

– Я лишь хотела вернуть птенца в гнездо. За ним следит Фуня, – показала она на спрятавшегося в кустах жирного рыжего кота.

– Я поняла. Но не бойся, иди сюда, – показала я на кусты рядом.

Мы спрятались и какое-то время наблюдали за птенцом на земле. Он открывал клюв и жалобно пищал. Наконец кот не выдержал и побежал к птенцу. Девочка было дернулась, но я ее удержала за руку.

– погоди, не беспокойся, сейчас увидишь, – сказала я.

Не успел Фуня подбежать к птенцу, как на него со всех сторон спикировали птицы. Это были галки. Они издавали агрессивные звуки и клевали кота. От первой он еще пытался отмахнуться, но потом позорно сбежал.

– Ты знала? Откуда? – удивилась девочка.

– Наблюдение, – пожала я плечами. – Птенцы часто выпадают из гнезда. И тут два варианта развития событий. Либо мать с сородичами присматривает за ним и не даст в обиду. Либо, если потревожить их гнездо, она перестает чувствовать себя в безопасности и покидает свое жилище. Тогда птенцу нужна помощь. Но это ставит крест на его вольной жизни, он будет жить только в неволе. Я присмотрелась и увидела в ветках наблюдающих сверху птиц. Так что за этого птенца волноваться не стоит.

Девочка настороженно и насупленно на меня смотрела.

– А вообще ты можешь побольше узнать о птицах из книг и энциклопедии. Наверняка такие есть в библиотеке вашего дома. Ты умеешь читать?

– Умею.

– Поверь, там много занятного. Например, знаешь ли ты о том, что самая маленькая птица в мире – колибри – единственная, кто умеет летать назад? А совы не могут двигать глазами, поэтому, чтобы посмотреть в сторону, поворачивают голову?

Девочка открыла рот и заинтересованно на меня посмотрела.

– На самом деле я сама не так давно узнала. Просто мы с подругой увлеклись сравнением людей с птицами. Знаешь, некоторые прямо вылитые сороки или павлины, кто-то так умело заливается соловьем, а кто-то криклив, как ворона. Но наша фантазия быстро закончилась. Пришлось взяться за изучение. И перед нами открылся дивный мир птиц. А началось все знаешь с чего?

– С чего? – любопытствовала девочка.

– Наша квартирная хозяйка зовет нас курицами. Это очень обидно, не находишь?

Девчонка захихикала, прикрывая рот грязной ладошкой.

– Ну ладно, не курицами, а курочками. Но, по мне, от этого не становится менее обидно. Разве похожа я на курицу-несушку? – возмущенно спросила я то, что давно накипело.

– Похожа! Похожа! – завредничала девчонка.

– Серьезно? – не стала я обижаться на маленькую вредину. – А мне вот казалось, что я похожа на сиреневогрудую сизоворонку или калипту Анны. А нет, курица я, и все.

– Я таких не знаю, – ошетинулась девочка. – А на какую похожа я?

– На опоясанного пегого зимородка, – хихикнула я. – Они выглядят вечно нахохленными из-за большого хохолка на голове, прям как ты, если тебе волосы еще больше торчком поставить.

– А вот и поставлю! – Девочка поняла, что я над ней смеюсь, и ей это не понравилось.

– Конечно, взбей сильнее, – согласилась я. – Хоть сходство полное будет. А то ни то ни се... Хочешь помогу? – спросила задушевно, глядя на то, как та взбивает волосы в ежик на голове.

– Сама справлюсь, – пропыхтела она.

– Не-а, у тебя сейчас, как иголки у ежика. А хохолок к середине надо. Давай помогу!

– Ладно, – снисходительно согласилась та.

Я пальцами взбила ей волосы вверх в середину, придав им стоячее положение. Конечно, мать ее будет не в восторге, увидев такое. Но, может, хоть так она обратит внимание на неухоженные волосы ребенка и наконец расчешет?

Мы дошли до пруда, где она полюбовалась на себя в водной глади.

– Зашибись! Круто! Пойдем Надине покажем. Пусть завидует. Только сначала книжку эту найдем. Хочу сразу показать ей.

Она потащила меня за собой в дом.

Глава 6

Разжалование в курицы

Я пошла за ней.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Мирелла.

– Мирелла, послушай, куда мы идем? – спросила я ее уже в лабиринтах графского особняка.

– В библиотеку.

Девочка шла уверенно, и я доверилась. Надеюсь, она точно там бывала. Хотя по ней не скажешь, что ее могли интересовать книги.

– Вот. Еще бы быстренько найти энциклопедию птиц, – встала посреди большой библиотеки девочка и начала трогать корешки книг грязными руками.

Что меня, конечно, возмутило!

– Мирелла, прежде чем трогать книги, надо помыть руки!

Девочка обернулась и неодобрительно на меня посмотрела, сощулив глаза:

– Ты кто? Случайно, не новая гувернантка для графских дочек?

– Упаси богиня! – искренне ответила я. – Но книги я очень люблю. И как ни пафосно звучит, книги – это храм знаний. С ними надо обращаться вежливо и осторожно, тогда они прослужат дольше. Иди помой руки, пока я просмотрю энциклопедии. – Я остановилась напротив полки со справочными изданиями. – Во всяком случае, я знаю, как она выглядит.

Девочка с сомнением на меня смотрела. Ей не хотелось подчиняться приказам незнакомой женщины и в то же время хотелось переложить на меня поиск нужной книги.

– Иди, и я тогда сразу покажу тебе твой «портрет», – хихикнула я, занимаясь откровенным шантажом.

Мирелла клюнула и убежала мыть руки. Я уже видела по корешку знакомую книгу, достала и открыла нужную страницу. И еле успела – Мирелла обернулась за считанные минуты.

– Быстро ты. Покажи! – потребовала я.

Девочка живо вытянула руки и тут же спрятала. Ладони были вымыты. А лицо оставалось таким же грязным.

– Вот! – сунула я ей открытую страницу с рисунком смешно нахохлившегося пегого зимородка.

Мирелла сначала хихикнула, жадно его разглядывая. А потом снова насупилась, но глаза ее при этом лукаво сверкали.

– И ничего я на него непохожа! А ты – курица! Курица! Курица! – стала она обзывать.

Я открыла ей страницу с сиреневогрудой сизоворонкой.

– Меня просто заколдовала злая колдунья. А на самом деле я вот такая, – ткнула я в красивую птичку. – Появится принц и расколдует меня. И потом, главное ведь, как чувствуешь себя внутри, правда? А ты себя сама какой птицей чувствуешь?

Мирелла задумалась.

– Я ласточка. Меня так папа называет.

– Посмотрим... – Я открыла страницу с ласточкой и стала сравнивать девочку с рисунком. – Похожа? Ну, если отмыть...

– Да ну тебя, – обиделась Мирелла. – Ты-то все равно так и останешься курицей. Принц за тобой не придет.

– Почему это? – обиженно выпятила я нижнюю губу.

Мирелла зло посверлила меня взглядом.

– Принцам нравятся вот такие... – Она быстро полистала книжку и ткнула в изящную белую цаплю. – А не курицы.

– Мой принц особенный. Он увидит ее во мне за внешностью курицы, – не сдавалась я.

Чтобы я уступила этой вредной грязнуле! Да не бывать такому!

– Не бывает особенных принцев! Все они одинаковые! – заявила та.

– Да откуда тебе знать? Ты много принцев видела?

– Нет... Но мне рассказывали...

– А мне рассказывали, что кур доят. Ты в это веришь?

Девчонка прыснула в кулачок.

– Глупости какие.

– Конечно, глупости. Ведь курицы не коровы, чтобы молоко давать. Они мед собирают.

Мирелла залилась смехом.

– Ой, я не могу... Мед... Смешная ты и глупая, – вынесла она мне вердикт. Но заметно подобрела. Снисходительно сказала: – Курицы яйца несут. А мед пчелы собирают.

– А-а, точно! – стукнула я себя по лбу. – Я все перепутала, вот точно курица.

– Да как можно не знать таких простых вещей? – удивилась Мирелла.

– Можно подумать, что кто-то все знает, – сделала я вид, что обиделась. – Для этого нам и нужны книжки, чтобы новое узнавать.

– Мой папа все знает, – самонадеянно заявила девочка.

– Уверена, что нет, – возразила я. – Только если он не прочитал всю эту библиотеку.

Я благоговейно осмотрела все ряды полок. Мирелла смутилась лишь на секунду.

– Он все прочитал, – настаивала она.

– Не верю. Если бы твоим папой был граф, я бы, может, еще поверила. Но ты ведь не дочь графа?

Та закусила губу, уткнулась в энциклопедию птиц, сказала:

– Пойдем, покажем сестре!

Она направилась на выход, даже не сомневаясь, что я последую за ней. Только напряженно поднятые худые плечики показывали, чего это ей стоит.

Я не стала испытывать терпение девочки, пошла за ней. Тем более мне стало любопытно проверить свою догадку.

Глава 7

Кукольный домик

Мирелла привела меня в гостиную. Там на полу перед столиком, на котором стоял чудесный кукольный домик, сидела опрятная, нарядная, смуглая темноволосая девочка, похожая на Миреллу, как если бы ту отмыть, причесать, нарядить и сделать старше года на три.

Девочка подняла на нас черные глаза и удивленно уставилась на Миреллу.

– Мири, что у тебя на голове? – спросила она.

– Хохолок, не видишь? Вот, смотри, похожа? – грубовато сунула она книгу под нос сестре, задев домик, который пошатнулся.

– Осторожно, Мирелла! – завопила та. Посмотрела на рисунок и захихикала: – Похожа!

Мирелла отобрала книжку и всунула мне.

– На какую птицу похожа Надина? – с хитрой мордашкой спросила она у меня.

– Не знаю, давай посмотрим... – протянула я и стала листать страницы. – На эту? Нет, у этой шея слишком длинная. На эту? Нет, эта толстенькая и кругленькая. Вот эта? Как думаешь? – показала я Мирелле, но та покачала головой. – Правильно, – согласилась я. – у этой слишком клюв длинный. Тогда... вот!

Я ткнула в розовую чечевицу, оперение которой на рисунке по цвету совпадало с цветом платья Надины.

Мирелла покосилась на рисунок и злобно запыхтела. Нервно долистала книжку почти до конца и ткнула в черного дрозда.

– Нет, вот Надина.

Надина заинтересовалась, встала и подошла к нам. Посмотрела на то, что предложила сестра, на то, что предложила я, улыбнулась и пошла обратно к кукольному домику.

– Даже дрозд выглядит симпатичнее, чем твой зяблик.

– Не зяблик, а зимородок!

– Зяблик!

– Зимородок!

– Зяблик! Зяблик! – дразнила сестру Надина, как та недавно меня.

– И вообще, я ласточка! Меня папа так называет!

– Он всех нас так называет!

– Меня чаще!

– Неправда!

– Правда! Правда! А ты вообще курица. Как и она! – ткнула она в меня пальцем.

Стукнула со всей силы по домику, отчего тот зашатался и упал на пол. Из него вывалилась миниатюрная утварь, рассыпалась по полу. Мирелла развернулась и побежала вон.

У Надины от гнева расширились глаза, она вскочила на ноги:

– Ты! Ну, я тебе сейчас покажу!

Надина побежала за Миреллой. А я занялась кукольным домиком. Подняла его и поставила на стол. Подумала о том, что по времени Розамунда уже должна была бы пройти собеседование, о чем можно так долго говорить? Найдут ли меня здесь? Наверное, должны пройти мимо гостиной.

Я стала собирать выпавшее из домика содержимое. И пропала... Чего тут только не было! Резная деревянная и мягкая мебель, шторы на карнизах, ковры и люстры, посуда и предметы обихода, картины на стену, подсвечники на стол, еда и много другого, все как настоящее, только миниатюрное, не больше фаланги пальца.

Когда-то я мечтала о таком домике, каждый раз с замиранием сердца проходя мимо витрины с игрушками. Но мне не покупали, и я сама мастерила из подручных материалов мебель и утварь. Каркас сделал мне друг, а всем остальным заполняла домик я сама.

Потом я выросла. Но равнодушной к такой красоте не осталась. Теперь мне хотелось не играть, а просто владеть и любоваться, как произведением искусства. Ведь некоторые вещи – такие как миниатюрная фарфоровая посуда или резная мебель из дорогих пород дерева – были истинными шедеврами. Правда, и стоили чуть меньше настоящих. Несколько раз порывалась купить себе домик и потихоньку, продляя удовольствие, его обставлять, но каждый раз била себя по рукам. Я же не маленькая девочка!

Но вот попался он мне в руки, и я поняла, что маленькая девочка до сих пор живет во мне. Я потеряла счет времени, и внешний мир для меня исчез. В чувство привел голос Надины за плечом:

– Я кухню не так расставляю.

– Извини, – отскочила я от домика, словно застуканная за преступлением.

– Ничего, у тебя лучше получилось. У тебя был такой домик?

– Нет. Такого не было. Был самодельный. Карнизами служили зубочистки, шторами и коврами – ткань от старых платьев, обоями и картинами – вырезанные иллюстрации из журналов. А посуду и еду лепила из чего придется. В ход шло все – пипетки и крышки от лекарств, глина и смола, застывший клей и мякиш хлеба.

Надина покосилась и ничего не сказала, проверяла домик.

– Ах, зеркало разбилось! И люстра сломалась! Ну, Мирка, я ей задам! – сжала кулаки Надина.

– Да ничего страшного, я сейчас все подправлю. Смотри, у люстры крючок обломался. Сейчас другой сделаю. Будет покороче, но ничего страшного. – Я вынула шпильку из волос и на нее закруглила крючком кончик проволоки для люстры. Повесила. – А зеркало не разбилось, только кусок с краю откололся. Мы его закроем рамкой. Тащи бумагу. Или картон, да хоть ткань и краски. Сейчас починим.

Надина принесла все сразу. Я вырезала из картонки рамку для зеркала чуть меньшего диаметра, чем само зеркало, раскрасила ее золотой краской. Приложила к зеркалу, закрыв скол.

– На клей посадить, и готово. Видишь, даже лучше стало.

Я намусолила рамку, чтобы она пока прилипла, и повесила зеркало на место. Посмотрела на реакцию девочки.

– Да, красиво, – признала она, успокоившись.

– А где жители этого домика? – поинтересовалась я.

– Валяются, – махнула в сторону Надина. – Надоели. В одних и тех же платьях. Скучота. Новых кукол хочу.

– Не легче ли платья поменять?

– Где их взять? Модистке заказывать? – хихикнула та.

– А сама? Не можешь сшить?

– Нет, не умею. А ты умеешь?

– А где мне было по-другому платья для кукол взять? А с одним, как ты говоришь, скучно.

– И мне скучно! – раздался вредный голос Миреллы. – Надоели одни и те же игрушки.

Она неслышно подобралась к нам, пока мы с Надиной занимались домиком. Умытая, переодетая в серое чистое платье и пригладившая, как смогла, волосы.

– Хочешь, научу, будут разные каждый день? Хоть несколько раз в день.

– Так не бывает! Магия?

– Нет, не магия, – улыбнулась я. – Забава босоты. Нужна всего лишь бумага да карандаши или краски. И магическая губка, чтобы много бумаги не использовать.

Я нарисовала на оставшейся бумаге силуэт куклы с лицом Миреллы и прической хохолком, как мы ей делали. Вырезала, перенесла на картон и приклеила. Получилась бумажная кукла.

– Похожа, – одобрительно сказала маленькая вредина, заглядывая мне через плечо.

– Ну вот, а теперь ты можешь рисовать для нее на бумаге любые наряды и менять. Ничего твою фантазию не сдерживает.

Я вырезала из бумаги силуэт платья для куклы, сделала надрезы, чтобы можно было надеть, одела в платье куклу и разрисовала платье сначала одним узором, покрутила перед девочками, стерла магической губкой нарисованное, вызвав разочарованный вздох обеих, нанесла другой узор, показала, поймав восхищение в глазах обеих.

– Круто! – одобрили обе. – Только зачем стирать было? То платье было такое красивое!

– Можно не стирать, сделать новое, – согласилась я. – Тогда надо шкатулку, в которой будут храниться платья куклы, и много бумаги.

Надина подвинулась, чтобы поближе рассмотреть, но Мирелла выхватила куклу и приложила к груди, закрыв руками.

– Моя!

– Сделай и мне такую, – попросила Надина.

– Не делай ей! – приказала Мирелла.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Потому что ты мне ее делала!

– У тебя будет своя, у нее своя.

– Нет, я не хочу!

– Мирка, какая же ты вредная! – не выдержала Надина.

– Сама такая! – показала язык Мирелла.

– Пока я вижу, что вредничаешь только ты, – вступилась я за Надину, которая бросила на меня благодарный взгляд.

– Да-а, а она мне никогда не дает своим домиком играть! – обиженно защищалась Мирелла, ткнув в сторону сестры пальцем.

– Потому что ты все время что-нибудь ломаешь! – обвинила ее Надина.

– Я просто хотела поиграть, я не виновата, что в нем все такое хрупкое!

– Вот не умеешь – и не берись!

Уфф, я посочувствовала Розамунде, уже догадавшись, что передо мной ее будущие воспитанницы. Нелегко ей с ними придется. Пока те обвиняли друг друга, я сделала вторую куклу и протянула Надине.

Мирелла бросилась наперерез, чтобы схватить, но Надина оказалась проворнее. Мирелла набросилась на нее, чтобы отобрать куклу. И пока они ее тянули, разорвали на части. Надина заплакала. А вслед за ней и Мирелла. То ли испугалась, то ли жалко стало. Да и у нее кукла помялась, потому что находилась у нее под мышкой, пока девочка вела бои.

– Бумага легко рвется, но и все легко поправить, – быстренько нарисовав двух следующих куколок и вручив ревущим девочкам, сказала я.

Они перестали плакать и насупленно косились одна на другую, держа в руках своих кукол.

– Почему вы не можете уступить друг другу? – задала я риторический вопрос. – Ведь вдвоем играть интересней, чем одной. Надина, ты можешь убрать самые дорогие предметы из домика, чтобы играть с Миреллой. Сделать вместе игрушки в домик из простых материалов, чтобы не бояться разбить. Мирелла, ты можешь вместе с Надиной придумывать наряды и устраивать показы мод, – кивнула я на бумажные куклы.

Я встала и подошла к столику, на котором стоял кукольный дом. Сняла его и переставила. Указала на раннер на столе.

– Вот подиум для моделей. А вокруг можно посадить ваших куколок, – указала я на кукольный домик, – как зрителей.

– Точно! Надина, тащи! – азартно заблестели глазенки Миреллы.

– А что вы им показывать будете? – остановила я их порыв. – Сначала надо наготовить побольше одежды для показа. За дело! – скомандовала я, и мы с усердием принялись рисовать платья.

Высунув языки, хихикая над отпускаемыми шутками, мы успели наготовить уже какое-то количество нарядов, как нас прервали.

Глава 8

Персиковая помада идет не всем, надо учитывать пол

В столовой появилась торжественная процессия, состоящая из непроницаемой Ливии, довольной Розамунды и графа Мармелайда. Я с любопытством взглянула на графа и чуть не прыснула. Еле сдержалась, отвела взгляд и с укором посмотрела на девчонок. Они переглянулись со мной и тоже еле сдержали смех, отводя взгляды от отца.

– Девочки, – обратилась Ливия к сестрам, – это ваша новая гувернантка мэлл[2 - Мэлл – уважительное обращение к женщине, мэллорд – к мужчине.] Розамунда. Поздоровайтесь. Она приступит к обязанностям завтра. Это мэлл Памела, средняя дочь графа, – показала она на Надину. А потом представила младшую: – И мэлл Эллионария, младшая дочь графа.

Но девочки не торопились вежливо приветствовать Розамунду. Мирелла оценивающе смотрела на нее исподлобья, а Надина с удивлением обратилась ко мне:

– Разве не ты наша новая гувернантка? Я думала...

– О нет, – счастливо отмахнулась я. – Я подруга Розамунды и всего лишь составила ей компанию. Розамунда – хорошая девушка, уверена, вы быстро подружитесь. Не обижайте ее, – лукаво посмотрела я на Мири.

Лица девочек немного смягчились, но особой радости не выражали. Но они хотя бы встали и под суровым взглядом отца сделали книксен перед Розамундой. И вразнобой выдавили:

– Добро пожаловать, мэлл Розамунда. Очень приятно познакомиться.

Розамунда выглядела счастливой и сияла, как начищенный тин. Она радостно поприветствовала девочек и выразила надежду, что они найдут общий язык.

– Позовите Камиллу, Ливия, – сказал граф. – Хочу, чтобы она познакомилась с мэлл Розамундой сегодня.

Ливия кивнула и оставила нас. А я покосилась на девочек, которые обменялись испуганными взглядами. Конечно, ведь Камиллы не было в своей комнате, о чем, судя по всему, маленькие плутовки знали, но промолчали. Ливия вернулась довольно быстро.

– Мэллорд, Камиллы нет в комнате, – отчиталась она.

– На кухне? В ванной?

– Нет, мэллорд. Ее следов нигде не обнаружено.

– Я же запретил ей выходить из дома! – взревел граф медведем и гневно посмотрел на младших дочерей.

Девочки съежились и поникли под его взглядом.

– Где она?!

Поскольку девочки молчали и не поднимали голов, он вынул змеевик связи[З - Змеевик связи – устройство связи, получившее название за длинную мягкую пластину, которую можно прицепить на руку, на шею, на ручку сумки – на любой объект, который она обовьет как змея.] и вызвал Камиллу.

– Да, пап? – напряженным голосом ответила та.

– Где ты, дочь моя? – задушевно спросил граф.

– Я... пап, ты только не сердись, мне так душно в комнате стало, что я спустилась в сад. Свежим воздухом подышать. Ты сказал не выходить из дома, но сад ведь – тоже дом? – затараторила девушка.

– Конечно, – сдерживая гнев, согласился граф. – Тогда тебе не составит труда сейчас же вернуться в комнаты. У меня к тебе есть дело. Если не будешь здесь через две минуты, ты больше не выйдешь из особняка вообще! – зарычал он, не сдержавшись. – Поставлю магический заслон.

– Хорошо, уже бегу... Ой, пап!.. Ну вот, я побежала, споткнулась и, похоже, растянула ногу... так больно... ступить не могу... Я потороплюсь, но за две минуты точно не доковыляю...

Я видела, что лицо графа наливается кровью и с его губ готовы сорваться слова, о которых он впоследствии пожалеет. Поэтому решила вмешаться.

– Мэллорд граф, позвольте сказать, – робко обратилась я к нему, и он перевел на меня недовольный взгляд. – Когда я ожидала подругу и гуляла в саду, я видела девушку, очень похожую на юных мэлл, – кивнула я на младших дочерей графа. – Скорее всего, это была Камилла, так что, возможно, она действительно поспешила и пострадала.

Граф пронзил меня выразительным тяжелым взглядом, поиграл желваками, взял себя в руки и сказал Камилле:

– Даю тебе десять минут. Не успеешь, пеняй на себя.

Он отключился. Ливия тут же отвлекла его, предложив нам всем чаю или кофе. А я почувствовала, как мою руку благодарно сжала чья-то маленькая потная ладошка. Я пожала в ответ. Ну вот, меня еще и в заговорщики записали.

Мы чинно расселись по местам в ожидании напитков и Камиллы. Я с любопытством незаметно разглядывала графа. Я видела его несколько раз издали в городе и в магической академии, когда искала своего профессора, но толком рассмотреть не сумела, запомнила только высокую фигуру и светлые волосы. Поэтому и не сообразила сразу, что смугленькие чернявые девочки с почти черными глазами – его дочери. Вероятно, пошли в мать.

Граф был обладателем белой кожи, чуть тронутый загаром, его светло-русые волосы с золотистыми выгоревшими прядями доходили спереди до мочек ушей, сзади до линии плеч. У него были крупные черты лица, широкие прямые темно-русые брови, прямой красивый нос, резко очерченный жесткий рот и мужественный квадратный подбородок. Графа можно было бы назвать красивым мужчиной, если бы он не выглядел таким нескладным, усталым и изможденным.

Глаза у него были, как оказалось вблизи, синие. Их синева особенно резко выделялась сейчас на фоне косметики, которой было покрыто его лицо, – розовых румян, персиковой помады на губах и зеленоватых, цвета морской волны теней с золотыми блестками на глазах. На ногтях начал проявляться ярко-розовый лак, которого, к счастью маленьких шкодниц, их отец еще не успел заметить. Но это ненадолго.

Поэтому мы все отводили от графа взгляд как могли, не в силах сдерживать смешки. Удивительно, что Ливия тоже промолчала. Невозмутимо расставила перед нами чашки и тарелки и налила чай и кофе.

Интересно, как давно граф выглядит так? Был ли он таким на собеседовании с Розамундой? И как она тогда выдержала такой его видок? Я бы, наверное, не смогла. Сказала бы, а потом посмеялась вместе с графом. Не думаю, что ему будет приятно осознавать, когда он заметит, что ходил в таком виде полдня, а все посмеивались за его спиной. Мне бы, во всяком случае, точно не понравилось.

А может, это косметика из магических приколов – проявляющаяся через какое-то время? Не мог же граф не заметить, как его красят девчонки? Только если они

сделали это загодя – например, когда он спал или каким-то образом его отвлекли, и, пока одна забалтывала, другая наносила тайком мазки. Ох, и попадет им сейчас. Граф не в лучшем настроении.

Он поднес чашку к губам, сверля меня взглядом.

– Как вас зовут? – обратился он ко мне.

– Простите, мэллорд, будучи в вашем доме, я вам еще не представлена. Я Имма.

– Просто Имма? – заломил он левую бровь.

– Да, Имма. Или вас интересует мое полное имя?

– Да, интересует, – кивнул он и чему-то ухмыльнулся.

– Мое полное имя Имма... Лимманн.

– И все? Имма Лимманн – и все?

– Да, а что вы хотели услышать? Я простолюдинка, не аристократка.

– У меня хорошая память на лица, ваше мне кажется знакомым. И выглядите вы как благородная мэлл.

Он окинул выразительным взглядом мою осанку, позу и то, как я держала чашку в руке.

– Мне повезло получить хорошее образование, – нисколько не соврала я.

Граф побуравил меня взглядом, но промолчал, поднес чашку к губам и тут заметил свои ногти. Поставил чашку на стол и вытянул руки перед собой. Оглядел каждый ноготь, опять наливаясь кровью от гнева. Да уж, если ему так часто приходится подвергать кровеносную систему испытанию, неудивительно, что выглядит он столь бледным и изможденным.

– Зеркало, – процедил он, догадываясь теперь, почему все это время окружающие отводили от него взгляды, скрывая смешки.

Мы с Миреллой и Надиной, которых Ливия почему-то представила другими именами, сидели на одной софе, я слева, Надина справа. И я краем глаза заметила, как девочки испуганно сжали кулачки, а потом потянулись и схватили друг дружку за руку. Вторая рука Мири поползла ко мне, но потом дернулась, и девочка хотела ее убрать. Но я схватила ее ладошку и успокаивающе сжала.

Граф рассматривал себя в зеркало и свирепел, а я наигранно весело обратилась к Мирелле:

– Знаешь, Мири, если бы выбрать для папы черный лак для ногтей вместо девичьего розового и такую же помаду, а глаза подвести черной подводкой, то тогда он был бы похож на пирата. И можно было бы устроить пиратскую вечеринку с поиском клада. Или маскарад. А вы бы нарядились...

– Маленькими разбойницами, – по-доброму усмехнулся граф.

Ура, вспышка гнева миновала, гроза прошла мимо.

Я звонко рассмеялась.

– Мири это действительно бы подошло, видели бы вы ее утром, граф. Впрочем, хорошо, что не видели. С вас на сегодня хватит, да? – подмигнула я девочкам.

Те согласно закивали так, что я испугалась, что у них отвалится голова.

– Мири? – посмотрел на меня вопросительно граф.

– Она так представилась, – пожала я плечами.

Граф метнул в сторону дочери странный взгляд, но сказал другое:

– А мне нравится идея пиратской вечеринки с поиском клада. Розамунда, организуете на досуге?

– Конечно! Я обожаю пиратские вечеринки! Уверена, девочки мне помогут! – воодушевленно воскликнула та, стрельнув на меня благодарным взглядом.

Граф усмехнулся в чашку. На лицах девочек особого воодушевления я не увидела.

– Класс! – кисло сказала Мирелла.

– Здорово, – скривилась Надина, запихнув в рот печенье.

– Я успела? Где папа? – услышали мы голос где-то в коридорах особняка.

– Мы в гостиной, Камилла, – позвала Ливия.

И в комнату ворвалась вихрем, начиная прихрамывать с порога, старшая дочь графа.

Глава 9

Из курицы в птицу и обратно

Я не удивилась, увидев девушку, с которой мы столкнулись около черного входа. Розамунда побледнела, но быстро взяла себя в руки.

– Я успела? – обращаясь к отцу, тревожно спросила Камилла.

– Ты почему в таком виде? – хмуря брови, спросил тот.

Он как раз успел вытереть косметику с лица, и если раньше его суровость вкупе с накрашенным лицом вызывала смех, то теперь он выглядел грозно, как и положено отцу семейства.

Граф ждал ответа, хотя что тут непонятного? Девушка в попытке незаметно сбежать из дома оделась сообразно своему представлению о служанке или

горничной. Или за кого она себя хотела выдать, чтобы на нее не обратили внимания? Между тем, смешав все, что можно, как раз наоборот, привлекала его еще больше.

– Я же в сад гулять выходила, так какая разница в чем? – пожала та плечами. – Ты меня искал, папа? Что случилось?

Девушка пыталась принять вид самой невинности, но получалось у нее плохо. Как и одежда, невинный вид шел ей как корове седло. Острые скулы, выдающийся нос с горбинкой, крепко сжатый рот и сросшиеся на переносице широкие черные брови указывали на характер строгий, упрямый и неуступчивый.

Как странно, что дочери графа, внешне не взяв от отца ничего, характером и поведением, судя по всему, пошли как раз в него. Покойная графиня, по всем отзывам и воспоминаниям, была само обаяние. Вряд ли бы ее красоте и легкому нраву пели такие дифирамбы, если бы у нее был такой же тяжелый взгляд исподлобья, как у всех ее дочерей.

– О твоем поведении поговорим позже в кабинете, – припечатал отец. – А сейчас познакомься: ваша новая гувернантка мэлл Розамунда. С завтрашнего дня приступает к обязанностям. Прошу любить и жаловать. И надеюсь, это было мое последнее собеседование. Пусть мэлл только пожалуется на вас! – Граф обвел дочерей тяжелым взглядом. – Тогда мне придется принять крайние меры. И, уверяю вас, вам они не понравятся.

– Ты отправишь нас в пансион, как угрожал? – дрогнул голос Надины.

– Не сомневайся, Памела, отправлю.

Девочки вздрогнули и понурили головы. На лице Розамунды вспыхнуло торжество. С такой поддержкой ей нечего бояться. Может, и правда графские дочки присмирят и не будут доводить Розамунду. А та в свою очередь будет стараться им угодить.

Граф распрощался и покинул нас. Остались девочки, Розамунда, я и Ливия. Экономка вопросительно посмотрела на новую гувернантку:

– Останетесь еще на чашечку чая или вас ждать завтра? – вежливо поинтересовалась она, проверяя, сбежит ли та или попыбует наладить контакт с девочками уже сейчас.

– С удовольствием останусь и познакомлюсь поближе с девочками, – решительно сказала Розамунда. – Имма, согласна?

– Да, я тоже не против пообщаться, – подмигнула я расстроенным Мирелле и Надине.

В этот раз я села рядом с Розамундой на софу напротив девочек, отводя подруге роль первой скрипки. Камилла села в кресло слева от нас. Она молча пила кофе, погрузившись в свои мысли, так и не сказав ни слова до нашего ухода. Впрочем, как и девочки, которые сидели напротив и, опустив головы, угрюмо слушали щебетание Розамунды.

Она расписывала им свои планы, распорядок дня, чем они будут заниматься, во что играть, чему учиться. Попробовала поспрашивать их, но они отвечали скучно, вяло и односложно, и Розамунда решила как-то спасти беседу своим веселым щебетом.

Поняв, что большего от них сегодня не добиться, она встала и собралась уходить.

– Жду не дождусь завтра, когда я смогу вас снова увидеть, мои милые девочки, – сияя, сказала она.

Ливия, которая оставляла нас одних, появилась, словно подслушивала за дверями, и повела нас на выход.

– Проводишь? – шепнула я Мири.

Та кивнула, и я попрощалась с Надиной.

– Была рада познакомиться с тобой и твоим чудесным домиком. Давай иногда Мирелле поиграть под твоим присмотром. Если хочешь, буду передавать через Розамунду сделанные своими руками детали интерьера, которые не жалко будет

давать играть Мири.

– Да, – кивнула Надина.

Мири пошла за нами, и, пока довольная Розамунда раскланивалась с Ливией, мы попрощались с Миреллой.

– Я рада, что пошла с Розамундой и пережила это маленькое приключение по имени Мирелла. На самом деле ты никакой не пегий зимородок, а ласточка. И сама всегда помни об этом, – подмигнула я девочке.

– А ты не курица, – благодетельствовала меня наконец Мирелла. – Она вот курица, – кивнула она в сторону Розамунды. – А ты – нет.

– А кто я? – улыбнулась я маленькой вредине.

– Вот изучу энциклопедию и скажу, – серьезно ответила та.

– Ладно, надеюсь, дождусь. Ты ведь не соврала, что умеешь читать, да? – подмигнула я ей, дразня, потому что та выглядела как-то трогательно и жалко, а маленькие вредины не должны так выглядеть.

Она показала мне язык.

– Ты все-таки курица! Курица, курица!

Я расхохоталась.

– Зяблик! – не осталась я в долгу, вспомнив Надину.

На этом мы и расстались. Уходя, я сглотнула ком, который встал в горле от вида хрупких угловатых фигурок Миреллы и подошедшей Надины, застывших в дверях особняка.

С чего мне их жалеть? У них все хорошо. А если станут как следует себя вести, то будет еще лучше. А мне ненужная жалость ни к чему. Однажды я уже

погорела на жалости, лишившись всего. Больше я такой ошибки не повторяю.

Глава 10

Неожиданное предложение

– Шебутные девчонки. Но я вижу, ты всем довольна, – бросила я молчаливо шагающей Розамунде, чтобы вывести ее на откровенность.

– Да, очень. Со старшей, конечно, будут проблемы, но все оказалось даже проще, чем я думала. Ты видела, как граф меня поддержал? В кабинете в разговоре тет-а-тет он признался, что больше поисков не выдержит, я последняя, кого он берет. Если у меня не получится, он отправит их в храмовую школу на год-другой на перевоспитание. Девчонки не верят, но побаиваются, так как разговоры об этом возникают все чаще. Так что у меня есть верный козырь для запугивания.

– Не думаю, что это хорошая идея – строить отношения на запугивании.

– Нет, конечно, я не буду с этого начинать, что ты. Я хочу с ними подружиться. Но если не получится... Ты же видишь, они очень разбалованы и не воспитаны. А в воспитании, как и в приручении диких животных, требуется в одной руке держать пряник, в другой кнут. Я постараюсь обойтись одним пряником. Нет – пусть пеняют на себя.

– Но если они тебе не понравились, зачем тебе это место?

– Имма, я тебе уже говорила, – раздраженно повела плечами Розамунда. – Зарплата – раз, – стала загибать она пальцы. – Кстати, я выторговала себе даже больше. Полный пансион, одежду за счет работодателя, отдых – раз в четыре месяца я буду на неделю ездить отдыхать на море, обращение к семейному доктору графа в случае болезни за его счет, ну питание и проживание у них, это понятно. Но я отстояла и аренду съемной квартиры, которую будет оплачивать граф – не хочу жить у них все время, буду брать выходные. И вообще, должна же у меня быть личная жизнь?! Еще выторговала отдельную зарплату за поиск

учителей по разным дисциплинам для его дочерей. Их буду нанимать я, – довольно улыбнулась девушка. – И все это к тысяче тинов, можешь себе представить! – Ее глаза азартно блеснули. – Скоро все будут искать моего внимания и одобрения. Видишь, я становлюсь важной птицей, – засмеялась она.

Угу, павлином, который распушил свой хвост от важности.

А она тем временем продолжала:

– Два – это карьера, почет и уважение, – загнула она второй палец. – Все-таки работать на графа и иметь в подчинении преподавателей – это совсем иное, чем вкалывать на ятариновой фабрике, согласишься? И в-третьих, граф вдовец... – многозначительно муркнула Розамунда. – Еще не старый и одинокий... а рядом будет крутиться молодая веселая девушка. Как думаешь, долго он устоит? Ставлю, что через неделю он окажется в моей постели. А если я найду подход к его дочерям, то зачем ему вообще кого-то искать? Ему нужна прежде всего мать для его детей! А кто будет лучшей матерью, чем их гувернантка?

И она счастливо захохотала. Словно уже стала графиней Мармелайд. И во всем этом спиче ни слова о любви. Впрочем, наверное, Роза права, любовь – это лишнее. Но я все же поинтересовалась:

– Тебе он хоть нравится?

– Очень! Высокий, красивый, богатый! Что еще нужно для счастья?

– Я несколько о другом, Розамунда, – упрекнула я, смеясь.

– Да нет, он мне правда понравился. А ты разве не находишь его симпатичным? – удивилась она. – Без жуткой косметики, конечно.

И мы расхохотались, вспомнив утренний конфуз с графом.

– Он уже был покрашен, когда ты пришла на собеседование? Кстати, почему вы так долго? Неужели все торговались за твои условия?

– Нет, он согласился на все сразу. Даже не спорил, – словно даже разочарованно отмахнулась Розамунда. – Я долго ждала его, он вел какие-то переговоры по змеевику связи со столицей. Просили подождать. А косметики в начале разговора не было, она стала проявляться к концу. Представляешь мое удивление? – снова расхохоталась Розамунда.

И я следом. Да уж. Значит, точно магические приколы. Дочурки постарались. Интересно, вместе действовали или по инициативе кого-то одной? Миреллы скорее всего. Надина мне показалась поспокойнее. Впрочем, мне какое дело? Я должна выбросить их из головы.

Но мне не дали этого сделать.

На следующий день Розамунда отправилась на новую работу в графский особняк, а я на фабрику. К большому удивлению, после смены на выходе меня поджидал граф Мармелайд собственной персоной.

– Добрый вечер, Имма. Где бы вы предпочли поговорить – здесь, в кофейне, в экипаже, у себя дома?

– Что-то случилось? – испугалась я, даже не зная за кого – за девочек или за подругу.

– Пока ничего, – усмехнулся граф. – Я желал бы обсудить с вами один вопрос.

Я растерялась и оглянулась. Не хотела, чтобы нас увидели вместе – потом пересудов не оберешься.

Недалеко протекала речка, огибавшая город по западной границе, с благоустроенной набережной. Туда я и повела графа. Сегодня было ветрено и пасмурно, вечером в такую погоду прогуливались единицы, все-таки это не центр города, где располагался чудесный парк для прогулок. Мы сели на лавочку в конце набережной.

– Я слушаю вас, – ежась от порывистого ветра, обратилась я к графу, который при свете дня выглядел еще хуже, чем вчера в мягком освещении комнаты.

Совсем осунулся. Мешки под глазами, уголки губ опущены вниз жесткими складками.

– Я предлагаю вам место гувернантки в моем доме, – сразу перешел к делу граф.

– А что, Розамунда уже все, не справилась? – поразила я.

– Нет, пока держится. Но это ненадолго. И мне она не нравится. И детям не нравится...

– Вашим детям никто не нравится, – парировала я.

– Именно. А вы понравились. Вас не удивило, что девочек Розамунде представили одними именами, а вам они представились другими?

– Удивило, – пожала я плечами. – Но это не мое дело...

– Я дал им имена из моего рода: Камилла, Памела, Эллионария. Моей жене не нравились эти имена. Ей вообще мало что нравилось из моего окружения, кроме статуса и денег, – горько усмехнулся граф. – Впрочем, речь не об этом. Она дала вторые имена девочкам: Левандрия, Надина и Мирелла. И так их называла назло мне. Камилла, когда выросла, сама выбрала себе имя, Ракшана не стала с ней спорить, но для Надины и Миреллы, которые рано потеряли мать, эти имена много значат. Они никому не позволяют так себя называть, кроме тех, кто входит в их близкий круг. Только друг другу и Ливии. Понимаете, что это значит? Младшая дочка сразу вам доверилась, назвавшись Миреллой. Розамунде она не дает так себя называть.

– Это случилось как раз потому, что она не увидела во мне угрозы в качестве гувернантки, – усмехнулась я.

– Нет, вчера они с Памелой сказали мне, что хотели бы видеть вас в этой должности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тин – денежная единица. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Мэлл – уважительное обращение к женщине, мэллорд – к мужчине.

3

Змеевик связи – устройство связи, получившее название за длинную мягкую пластину, которую можно прицепить на руку, на шею, на ручку сумки – на любой объект, который она обовьет как змея.

Купить: https://tellnovel.com/hmel-naya_marusya/bud-moeuy-nyaney

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)